

УДК 811.161.1:81'373
DOI 10.52452/19931778_2021_5_222

ЭТНОГЕНДЕРНЫЕ СТЕРЕОТИПЫ В ТРАВЕЛОГЕ Е. РОЖДЕСТВЕНСКОЙ: ОСОБЕННОСТИ ЯЗЫКОВОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

© 2021 г.

О.М. Холомеенко

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону

kholol2012@yandex.ru

Поступила в редакцию 11.10.2020

Рассматриваются языковые особенности репрезентации этногендерных стереотипов на материале текста травелога. Анализ языковых средств вербализации гендерных стереотипов основан на положении, что последние требуют специального подхода для интерпретации, включающего знания лингвокультурологии и этнокультурологии. При рассмотрении этногендерных стереотипов отдельно анализируются авто- и гетеростереотипы, также выделяются этностереотипы кросс-культурного характера. Актуальность исследования обусловлена тем, что этногендерные стереотипы рассматриваются сквозь призму культурной картины мира автора во взаимосвязи с гендерной картиной мира.

Ключевые слова: гендер, стереотип, этногендерный стереотип, картина мира, лингвокультурология, травелог.

В 2002 г. в работе «Возможности гендерного подхода в антропоориентированном изучении языка и коммуникации» А.В. Кирилина обозначила несколько перспективных направлений исследования гендера: изучить не только влияние межкультурной коммуникации на конструирование гендерной идентичности, но и отражение этнических представлений в гендерных стереотипах [1, с. 141].

В настоящее время проблема конструирования гендерной идентичности и особенности функционирования гендерных стереотипов рассмотрены в ряде работ (Е.М. Шахова [2], Е.С. Александрова [3], Э.Г. Куликова [4], Шади Мали А.А. [5] и др.). Суть исследований сводится к тому, что гендерная идентичность проявляется на вербальном и когнитивном уровнях. Последний непосредственно связан с картиной мира и языковой картиной мира. Языковая картина мира писателя представляет собой структурированную совокупность существующих в языковом сознании писателя социокультурных ориентаций, ценностей, установок, идеалов, в которых находит отражение и социальная дифференциация полов.

Можно рассматривать картину мира и языковую картину мира с гендерных позиций, что приводит к появлению таких понятий, как «гендерная картина мира» и «гендерная языковая картина мира», особенность которых состоит в том, что отношения, предметы и свойства рассматриваются с бинарных оппозиций «мужское – женское». Характерно, что язык не просто отражает существующую в обществе гендерную

дифференциацию, но также может конструировать гендерные различия, обусловленные гендерными стереотипами. В каждой культуре существует гендерная символическая система, которая позволяет связать культурное содержание с полом исходя из социальных установок и иерархий [6, с. 34].

Общим местом в лингвистике можно назвать положение о том, что термин «стереотип» был введен в категориальное понятие общественных наук в 20-е г. XX в. Уолтером Липпманом в работе «Общественное мнение» (1922). Автор рассматривал стереотипы в аспекте причин их появления и особенностей их функционирования. В трактовке У. Липпмана стереотип представляет собой упорядоченные и схематичные «картинки мира» в сознании человека, причем эти «картинки» экономят усилия человека и оберегают его ценностные ориентации.

К причинам, вызывающим появление стереотипов, У. Липпман отнес, с одной стороны, желание человека сэкономить ментальные усилия, поскольку люди не стремятся по-другому реагировать на новые факты и явления, а стараются категоризировать их под известные модели, а с другой, желание сохранить имеющиеся в обществе ценности.

По видам стереотипы делятся на автостереотипы и гетеростереотипы. Первые отражают представления людей о самих себе, о своей этнической общности, социальной группе, вторые – представления о других людях, другой этнической общности и социальной группе. С одной стороны, когда человек руководствуется сте-

реотипом без подтверждения суждения, лежащего в основе стереотипа, эмпирическим путем, то стереотип может превратиться в предубеждение. С другой стороны, именно стереотипы выполняют регулятивную функцию в межличностном общении, способствующую эффективной коммуникации.

К основным свойствам стереотипов можно отнести следующие: 1) устойчивость, жесткая фиксация; 2) поляризованность оценки (автостереотип позволяет завышать оценку, а гетеростереотип, соответственно, занижать); 3) интенсивность эмоционального проявления; 4) концентрированное выражение свойств социальных установок [7, с. 64].

В лингвистике стереотипы трактуются в качестве «концептов ориентирующего поведения». Так, когнитивная лингвистика и этнолингвистика относят стереотип к ментальному явлению, соотносимому с «наивной картиной мира», причем не обязательно наивная картина мира является мотивирующей для возникновения и функционирования стереотипа.

В каждой культуре в той или иной степени присутствует неравенство полов, стереотипизация фемининности и маскулинности; язык, в свою очередь, одновременно и фиксирует данные факты, и влияет на процесс стереотипизации. Весьма важной, на наш взгляд, является мысль о том, что в разных культурах гендерные стереотипы могут иметь различное наполнение. Это связано с различными историческими условиями развития социума, различными концепциями мужественности и женственности [8, с. 123].

В нашей работе мы, вслед за профессором А.В. Оляничем, будем использовать термин «этногендер», который обозначает так называемую «региональную» детерминированность и этническую специфичность социокультурного проявления пола [9, с. 64].

Для анализа языковых маркеров этногендерных стереотипов были выбраны тексты произведения Екатерины Робертовны Рождественской «Мои случайные страны. О путешествиях и происшествиях!» [10], которое относится к жанру травелога. Автор отмечает, что ее произведение – «это совсем не путеводитель, это непонятно что. Скорее, мои ощущения от увиденного» [10, с. 5]. Травелог как жанр современной литературы нон-фикшн предполагает наличие следующих признаков: 1) имеет место так называемое я-повествование, в котором есть рассказчик-путешественник, представляющий свой взгляд на события; 2) композиционные рамки жанра компактны и предсказуемы, в отличие, например, от романа; 3) пространство представлено в форме оппозиций, например, «путеше-

ственник–мир», «родное–чужестранное», «внутреннее–внешнее» и т.д., обязательным элементом является выражение личного отношения к увиденному); 4) имеют место композиционная размытость, формальный характер начала путешествия и часто открытый финал [11, с. 135–136].

Данное произведение было выбрано по нескольким причинам: во-первых, в травелоге могут быть представлены все виды повествования и дискурса: географического, политического, исторического, лингвистического, этнологического, причем в авторской интерпретации [12, с. 255]; во-вторых, как и любой текст, данное произведение является опосредованным отражением действительности, и в данном случае целесообразно говорить о картине мира автора текста, при этом содержание этногендерных стереотипов, присутствующих в тексте, может быть широко распространенным в русском культурном пространстве, а может представлять собой только авторское представление этногендерного стереотипа.

Концептуализация действительности отражается и в гендерной языковой картине мира писателя. Гендерные стереотипы, содержащиеся в гендерной картине мира автора, имеют выражение в системе избираемых языковых средств. В тексте можно найти лексические маркеры гендерных стереотипов, закрепленных в определенной лингвокультуре и являющихся частью концептуальной картины мира автора.

Цель статьи – проанализировать особенности вербализации этногендерных стереотипов в тексте травелога, а также выявить особенности содержания этногендерных стереотипов, которые транслирует представитель определенной лингвокультуры, в частности российского культурного пространства.

Для анализа методом сплошной выборки из травелинга были отобраны контексты, в которых наличествуют лексемы, фиксирующие этногендерные стереотипы. Мы также обращались к различным толковым словарям, поскольку «статьи ... русских толковых словарей дают не только идеографическое описание значений слов и информацию об их функционировании в различных стилях речи, но также и сведения энциклопедического и лингвокультурного характера» [13, с. 129]. Другими словами, в словаре отражено эталонное или обобщенное представление о предмете или явлении, наличествующее в определенной лингвокультуре, типичное для всех представителей данного культурного сообщества. Необходимо обратить внимание, что «языковая картина мира, специфичная для носителей того или иного языка, может существовать, но это не мешает многим

его представителям дистанцироваться от традиционных (лингвокультурных) образов и предлагать ... свои интерпретации...» [13, с. 129].

Отобранные контексты, содержащие лексические маркеры этногендерных стереотипов, можно распределить на две группы в зависимости от содержания стереотипов:

1) этногендерные стереотипы, которые носят кросс-культурный характер;

2) авто- и гетерогендерные стереотипы, отражающие представление автора о каком-либо национальном характере.

Этногендерные стереотипы кросс-культурного характера

Данные стереотипы отличаются тем, что, транслируя их, автор рассчитывает на общие с читателем фоновые знания, содержание данных стереотипов писатель считает универсальным и понятным носителю любой европоцентричной культуры.

Так, например, автор, обозначает мужчин в Исландии и на Кубе с помощью слова *мачо*: *В кафе был настоящий анилаг, обветренные краснолицые мачо в промасленных комбинезонах и с всклокоченными волосами смиренно ждали, пока природа выпустит их на волю (пережидали ураган)* [10, с. 78]; *Но кубинки делают все, чтобы понравиться местным мачо – пусть все достоинства (а вытирают всегда достоинства, а не недостатки) будут на виду!* [10, с. 368].

«Большой толковый словарь» дает нам следующее толкование данной лексемы: «мачо [исп. macho – самец] – сильный, мужественный мужчина» [14]. Стереотипный образ мачо предполагает любвеобильность, высокую степень проявления мужественности. Если к кубинцам в силу их темперамента еще применимо данное наименование, то по отношению к исландцам, которые смиренно пережидали ураган, Е. Рождественская употребила данную лексему с иронией. Ироническая интонация позволяет понять, что для автора *мачо* – это любой мужчина, причем слово употребляется с некоторым оттенком пренебрежения, поскольку в контексте семьи ‘сильный’ и ‘мужественный’ нивелируются.

Рассмотрим еще примеры, связанные со стереотипными представлениями о мужчинах: *Если есть город-открытка, то это, конечно, Ровинь. Он фотогеничнее любого голливудского актера и даже венецианского гондольера* [10, с. 282]. В данном случае автор использует словосочетания *голивудский актер* и *венецианский гондольер* для обозначения квазиидеальных мужских образов, и мы понимаем, что в когни-

тивной картине мира автора эти мужчины должны отличаться фотогеничностью, красотой, притягательностью. Если ассоциации, связанные с голливудскими актерами, можно объяснить тем, что актер априори должен обладать идеальной внешностью, то фотогеничность венецианских гондольеров кроется в другом: *А самые фотografiруемые люди в мире – гондольеры, я в этом уверена. Как они красуются, как скользят по толпе масляным оливковым взглядом, почти так же, как по Гранд-каналу на своей гондоле. А эта многозначительная улыбка для всех без исключения дам, и это влажное и чуть хриплое: «Como stai?»* [10, с. 49–50]. Понятно, что в концептуальной картине мира автора гондольеры обладают мужественностью и импозантностью, даже не обладая голливудской внешностью. Снова чувствуется ироническая интонация, которая актуализируется лексемой *масляный*, что сразу обесценивает и *оливковый взгляд*, и *многозначительную улыбку*, и *влажный и чуть хриплый* голос. Оценочное отношение автора передает лексема «красуются», позволяя понять, что эти фотогеничные герои сосредоточены только на себе. В чем и состоит их притягательность и загадочность.

Для репрезентации этногендерных стереотипов автор использует и прецедентные имена, например: *Высокий кубинец в настоящей американской ковбойской шляпе, похожий на скромного и гордого Чингачгук, показал, как сигары скручивают: она вся состоит из каких-то частей – есть, оказывается, сердцевина сигары, какие-то замки, ключи, как он называл все очень сердито и по-мужски* [10, с. 354–355]. Чингачгук – герой романа Ф. Купера «Зверобой» или герой фильма, снятого по мотивам романа – «Чингачгук – Большой Змей» (1967 г.). Ассоциация писателя, скорее всего, связана со смуглой кожей, которая отличает кубинцев и североамериканских индейцев, при этом кубинец наделен еще и чертами характера книжного героя (*скромный, гордый*), а характеристика речевого поведения героя представлена контекстными синонимами *серdito* и *по-мужски*. Автор, скорее всего, считает, что читатель разделяет ее представления о качествах, присущих мужчинам, поэтому семантическое наполнение лексемы *по-мужски* Е. Рождественская оставляет без подробностей.

Прецедентное имя находим также при описании впечатлений от посещения Венеции: *Представляю, как визжали рыжие венецианки, когда «казановы» высаживали их, страстно прижимая, из кренящихся лодок* [10, с. 49]. Имя собственное (*Казанова*) употреблено в кавычках, подчеркивающих ироничность образа.

Следует отметить, что Е. Рождественская не использовала, например, слова *возлюбленные* или *любовники*, она намеренно употребила прецедентное имя, которое ассоциируется с образом героя-любовника. Казанова был авантюристом, игроком, литератором, а его любовные победы несколько гиперболизированы, причем об этом он сам писал в своих мемуарах, но именно растражированный образ этой легендарной личности (начиная с русской классической литературы и заканчивая песенной поп-культурой России) закрепился в сознании автора.

В травелинге можно найти примеры репрезентации и этногендерных стереотипов женских образов, например: *В одной из прошлых жизней, видимо, я была амазонкой. Поняла это, когда впервые села верхом. Здесь, в Исландии* [10, с. 91]. По данным «Большого толкового словаря», амазонка – «1. В древнегреческой мифологии: представительница воинственного племени женщин, жившего в Малой Азии. 2. Всадница, одетая в специальный костюм для верховой езды» [14]. Как видно из контекста, употребленная лексема *амазонка* не отражает в полной мере ни одно из значений, представленных в словаре. Скорее всего, в концептуальной картине мира автора амазонка – это женщина с природными задатками наездницы, которые неожиданно раскрылись в Исландии. Шутливый контекст указывает, по всей видимости, на игру с древнегреческим стереотипом. В начале контекста автор явно апеллирует к индуистским представлениям о реинкарнации, говоря о возможности перерождения. В картине мира автора культурные знаки различных геокультурных пространств перемешались, видимо, в условиях формирования глобального общества.

Как мы уже отмечали, среди средств репрезентации Е. Рождественской этногендерных стереотипов можно выделить частое использование прецедентных имен. Причем ее стереотипные образы мужчин и женщин чаще заимствуются в европейском геокультурном и литературном пространстве, например: *Бабушки, видимо бывшие Кармен с сигарной фабрики, скорее всего, прикрывают своих бизнес-внучков, которые тащат с производства коробками «Ромео и Джульетту» и «Монте Кристо» ненасытным и не всегда курящим, но алчным туристам вроде меня* [10, с. 354]. Е. Рождественская использует прецедентное имя *Кармен*, отсылающее нас к новелле Проспера Мериме (1845 г.), в которой главная героиня, цыганка Кармен, работала на табачной фабрике и отличалась крутым нравом, влюбчивостью и неверностью. Автор проводит явно карикатурную связь между бывшими работницами сигар-

ной фабрики, ставшими, в отличие от настоящей Кармен, бабушками-пенсионерками. У этих новых «Кармен» особая функция, на которую намекает автор, используя иронично-шутливый тон. В данном контексте актуализирована людическая установка, позволяющая автору в одном отрывке связать «Кармен», «Ромео и Джульетту», «Монте Кристо»: бизнес-внучки мало похожи на контрабандистов, героев поэмы Мериме, это, скорее, отсылка к советской реальности, к так называемым «несунам» – работникам, которые тащили с производства по мелочи то, что производили.

Гендерные авто- и гетеростереотипы о национальном характере

Данный вид стереотипов объединен в одну группу по тому признаку, что в них отражены представления автора об особенностях той или иной этнической общности. Данные представления могут носить индивидуальный характер (поскольку автор делится с читателями своими ассоциациями, основанными только на ее чувственном восприятии), а могут совпадать со стереотипными представлениями, которые присутствуют в русском культурном пространстве. При анализе примеров довольно легко попасть в ловушку субъективности, поскольку согласиться с автором можно в том случае, если в сознании читателя присутствует подобный стереотип.

Так, например, говоря о жителях Исландии, автор описывает мужчин и женщин следующим образом: *Погода пока солнечная – тут белые ночи. Курят себе вулканчики, небо красивое, где свинцовое, где голубое, облака высокохудожественные, люди улыбочивые. Девушки-красотки с огромными голубыми глазами и, естественно, блондинки* [10, с. 69]; *Мне достался местный Иван Царевич, то есть Йон Царевич. Огромный увалень в черном костюме водолаза. Улыбочивый, блондинистый, веснушчатый, голубоглазый и похожий на двоизларцаодинаковыххслица, помните мультфильм?* [10, с. 90]. Представление об исландцах в картине мира автора вербализуют лексемы *блондинка, блондинистый, голубоглазый, с голубыми глазами*. Вводное слово *естественно* позволяет понять, что для автора представитель нордического типа внешности – это блондин с голубыми глазами, хотя цвет волос у исландцев варьируется от светло- до темно-русого. Но автор упрощает всех до *блондинов*, то же самое наблюдаем и с цветом глаз: автор сводит к одному цвету разнообразие оттенков. Обращает на себя внимание лексема *красотки*, которая

помогает автору описать исландок. Причем не красавицы, а именно красотки – так проявляется стратегия дистанцирования, когда в сознании автора идет противопоставление «свой»-«чужой». «Свой» – это красавицы, но «свой» не равны «чужим», а отрицать красоту невозможно, поэтому автор использует лексему *красотки*. А вот ироничный образ Йона Царевича вносит новые характеристики: автор явно противопоставляет Йона русскому Ивану, подмечая, что первый *увалень*, неповоротливый и неуклюжий, в отличие от Ивана Царевича, который в русской культурной традиции отличается ловкостью и силой. И снова автор использует свой излюбленный прием – прецедентные феномены – отсылая к героям русских сказок и мультфильма «Вовка в тридевятом царстве» (1965 г.).

В картине мира автора наличествует устойчивый стереотип о типичных признаках внешности нордического типа, это можно увидеть, например, когда автор пишет о норвежцах: *В общем, я в Осло. Где вы, волоокие блондинисто-бородатые викинги с рогами?* [10, с. 269]. В одном контексте автор называет отличительные признаки викинга – бородатые и с рогами, а эпитет *волоокие* (трад.-лит.) подчеркивает, что, несмотря на ироническую интонацию, автор романтизирует образ норвежцев, обращаясь к их предкам-викингам.

Обратимся к гетеростереотипам о француженках и парижанках: *Что особенного во француженках? Ну что в них особенного? Худенькие, невзрачные и не всегда красивые. В маленьких черных платьицах. Но откуда в них столько шарма? Не обаяния, а именно – шарма, хотя это ли не одно и то же?* [10, с. 117]; *Заходила во дворики, смотрела на людей. Когда уставала, садилась в кафе рядом с милыми старушками, настоящими парижанками, – всегда в чулках, даже если +30, всегда с прической, всегда с накрашенными губами, сигареткой и микро-чашечкой кофе* [10, с. 129]. Автор использует лексемы с оценочной семантикой: *худенькие, невзрачные, не всегда красивые*. Но при этом в картине мира автора зафиксировано стереотипное представление об особом шарме француженок, причем Е. Рождественская намеренно употребляет плеоназм (в «Малом академическом словаре» находим следующее толкование: шарм – обаяние, очарование [15]). Автор акцентирует внимание на такой особенности парижанок, как наличие невероятного шарма, употребляя *шарм* и *обаяние* в качестве контекстных антонимов. Данные лексемы позволяют сгладить оценку автором внешних данных француженок, ведь фактически она назвала их уродинами, но наличие шарма, на который особо обращает внима-

ние Е. Рождественская, компенсирует отсутствие красоты.

Для характеристики пожилых парижанок автор использует оценочные лексемы *милые, настоящие*. В концептуальной картине мира автора атрибутами «настоящей парижанки» будут *прическа, накрашенные губы, сигаретка, микрочашечка кофе*. Можно отметить особенность ассоциаций автора: *старушка, сигаретка, микрочашечка*. В первых двух лексемах используются уменьшительно-ласкательные суффиксы *-ушк-, -к-*, последняя лексема содержит часть *микро-*, которая по своей семантике обозначает «что-то очень малое, мелкое» [15].

При характеристике парижских мужчин автор резко меняет тон повествования, например: *Пиджачки цирковые, в цветочек, короткие, материала прикрыться явно не хватает. Сумки яркие, через плечо, очки с разноцветными непрозрачными стеклами, кеды цвета «электрик» – вот он, молодой парижанин. Постарше – те менее яркие и менее смешные. Но парижские мужики, как правило, ходят парами* [10, с. 137]. Атрибутами молодых парижан будут *пиджачок, сумка, очки с разноцветными стеклами, кеды*. Пренебрежительное *пиджачок* передает отношение автора. Автор как молодых, так и пожилых парижан называет *мужиками*. Просторечная лексема *мужик* обычно ассоциируется с достигшим зрелости мужчиной, обладающим ярко выраженными маскулинными признаками, но словосочетание *ходят парами*, намекающее на однополую любовь, привносит ироническую интонацию в контекст. Резкая смена тона и повышенная ирония обусловлены новой гендерной политикой и этикой, проповедуемой в Европе. Автор выражает отрицательное отношение к такому гендерному равноправию, и становится понятным, что она не разделяет этногендерные стереотипы, которые стали обычными в Европе, но не нашли широкого распространения в российском культурном пространстве, а лично у автора вызывают неприятие.

Этногендерные гетеростереотипы о женщинах также могут иметь особый иронический подтекст, например, при описании кубинок: *Женщины на Кубе, такие же, как и машины, – невообразимо броские, яркие, улыбчивые, с отдельно идущим за ними багажником* [10, с. 365]. Так, сравнивая женщин с машинами, автор отмечает, что первые *броские, яркие*, как и автомобили. Сравнение с машинами потребовалось Е. Рождественской для того, чтобы ввести слово-образ *багажник*, провести аналогию с выдающейся частью тела кубинок. Автор использует своеобразный эвфемизм для обозначения определен-

ной части тела, а метафора позволяет подчеркнуть, что «багажник» кубинок так же ценен, как и автомобиль для кубинца: как кубинцы ухаживают за своими автомобилями, так кубинки за своим «багажником».

Достаточно редко в тексте травелога Е. Рождественской можно найти репрезентацию автостереотипа. Это объяснимо, поскольку автор описывает свои впечатления от посещения других стран, но можно найти контекст, в котором автор намеренно использует автостереотип, например: *У многих северян – финнов, эскимосов, исландцев – отсутствует фермент, который расщепляет алкоголь. Опьянение наступает очень быстро, раз в пять быстрее, чем, скажем, у крепких челябинских парней. При этом самые северные эти северяне, напившись, не просто поют песни или бьют друг другу морду, что было бы понятно и естественно, а входят в транс и начинают типа «разговаривать» с эльфами, духами или другими сказочными персонажами. То есть ведут себя стрёмно* [10, с. 77]. Автор сравнивает физические возможности северян с выносливостью крепких челябинских парней. Данное выражение, ставшее устойчивым, появилось в картине мира русских после скетчей передачи «Наша Russia», в которой герои в иронической форме представляли возможности «суровых челябинских мужиков». Выражение в интерпретации писателя немного изменилось по форме и смыслу, поскольку в скетчах возможности челябинцев высмеивались и носили парадоксальный характер. Автор актуализирует данное выражение из собственной культурной картины мира, при этом считая *естественным и понятным* поведение, когда при употреблении алкоголя *поют песни или бьют друг другу морду*, что носит уже оценочный характер, поскольку писатель отмечает, что северяне *ведут себя стрёмно* (жарг. ‘такой, которого принято стесняться, над которым смеются’). Жаргонизм в контексте передает ставшую привычной ироническую интонацию, а также оценку автором подобного поведения.

Таким, образом, к активным средствам, позволяющим репрезентировать кросс-культурные этногендерные стереотипы, можно отнести лексемы с приращением значения, употребленные в ироническом контексте (*мачо*), устойчивые словосочетания (*голливудский актер*), прецедентные имена (*Казанова, Чингачук, Кармен, Ромео и Джульетта* и т.д.). В качестве языковых средств вербализации этногендерных стереотипов автор использует прецедентные феномены, эпитеты, метафору, устойчивые выражения, лексемы оценочного характера. Жанр

травелога позволяет актуализировать индивидуально-авторскую картину мира, включающую в себя культурную картину мира, концептуальную, гендерную, когнитивную и т.д. В культурной картине мира зафиксированы стереотипы, в том числе и этногендерные. Автор предстает перед читателем в качестве носителя определённой культуры, поэтому общий культурный фон способствует быстрому и адекватному пониманию представленных в тексте этногендерных стереотипов.

Список литературы

1. Кирилина А.В. Возможности гендерного подхода в антропоориентированном изучении языка и коммуникации // Кавказоведение. Caucasiology. 2002. № 2. С. 134–141.
2. Шахова Е.М. Отражение гендерной идентичности в автобиографиях мужчин и женщин // Политематический сетевой электронный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2015. № 109. С. 801–812.
3. Александрова Е.С. К вопросу о гендерных стереотипах в языке // Научный альманах. 2016. № 2-4 (16). С. 210–213.
4. Куликова Э.Г. Гендерные стереотипы: коммуникативные навыки и паравербальная стилизация современного дискурса // Новое слово в науке: перспективы развития. 2016. №2 (8). С.182–183.
5. Шади Мали А.А. Гендерный стереотип как лингвокультурное явление // Филологос. 2015. № 24(1). С. 55–59.
6. Вандышева А.В. Гендерно ориентированная лексика в языковой картине мира: на материале английского, русского и немецкого языков: Дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 183 с.
7. Манзулина З.А. Языковая категоризация гендерных стереотипов: сопоставительный аспект: На материале русского и французского языков: Дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2005. 176 с.
8. Семикина Ю.Г. Проблема реализации гендерных стереотипов в художественных произведениях авторов-женщин конца XX – начала XXI в. // Известия ВГПУ. Проблемы современной русской литературы. 2012. № 6 (70). С. 122–125.
9. Олянич А.В. Формирование феномена этногендера с позиций теории этничности // Дискурс-Пи. 2016. № 3-4 (24-25). С. 61–76.
10. Рождественская Е.Р. Мои случайные страны. О путешествиях и происшествиях! М.: Э, 2018. 384 с.
11. Никитина Н.А., Тулякова Н.А. Жанр травелога: когнитивная модель // Homo Loquens: Актуальные вопросы лингвистики и методики преподавания иностранных языков. 2012. Вып. 5. С. 132–138.
12. Майга А.А. Литературный травелог: специфика жанра // Филология и культура. 2014. № 3 (37). С. 254–259.
13. Фёдоров А.Ф., Фёдорова Я.Я. Борьба авторских и этнокультурных мотивов в трактовке зооимических образов // Язык и культура в условиях интернационализации образования: Материалы Межд.

науч.-практ. конф. Новосиб. нац. исслед. гос. ун-та / Отв. ред. Т.А. Перминова, С.И. Филиппов, А.Л. Соломоновская. Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014. С. 125–139.

14. Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции 2014

года. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic> (дата обращения: 01.06.2020).

15. Словарь русского языка (МАС) / Под ред. А.П. Евгеньевой. В 4-х т. М., 1981–1984. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (дата обращения: 01.06.2020).

ETHNOGENDER STEREOTYPES IN TRAVELOGUE E. ROZHDESTVENSKAYA: FEATURES OF LANGUAGE REPRESENTATION

О.М. Kholomeenko

The article examines the linguistic features of the representation of ethnogender stereotypes on the material of the text of the travel guide. The analysis of linguistic means of verbalizing gender stereotypes offered in the article is based on the proposition that the latter require a special approach for interpretation, including knowledge of cultural linguistics and ethnocultural studies. Considering ethno-gender stereotypes, the author of the article separately analyzes auto and heterostereotypes, and also highlights cross-cultural ethnic stereotypes. The relevance of the study is due to the fact that ethno-gender stereotypes are viewed through the prism of the author's cultural picture of the world in connection with the gender picture of the world.

Keywords: gender, stereotype, ethnogender stereotype, picture of the world, cultural linguistics, travellog.

References

1. Kirilina A.V. Opportunities of gender approach in anthropo-oriented language and communication learning // Caucasian studies. *Caucasiology*. 2002. № 2. P. 134–141.
2. Shakhova E.M. Reflection of gender identity in autobiographies of men and women // Polythematic online electronic journal of Kuban State Agrarian University. 2015. № 109. P. 801–812.
3. Alexandrova E.S. On the issue of gender stereotypes in the language // *Scientific almanac*. 2016. № 2–4 (16). P. 210–213.
4. Kulikova E.G. Gender stereotypes: communication skills and paraverbal stylization of modern discourse // *New word in science: prospect of development*. 2016. № 2 (8). P. 182–183.
5. Shadi Mali A.A. Gender stereotype as a linguocultural phenomenon // *Filologos*. 2015. № 24(1). P. 55–59.
6. Vandysheva A.V. Gender-oriented vocabulary in the language picture of the world: on the material of English, Russian and German languages: Dissertation of the Candidate of Philological Sciences. Rostov-on-Don, 2007. 183 p.
7. Manzullina Z.A. Linguistic categorization of gender stereotypes: comparative aspect: On a material of French and Russian languages: Dissertation of the Candidate of Philological Sciences. Ufa, 2005. 176 p.
8. Semikina Yu.G. The problem of implementing gender stereotypes in artistic works of women authors of the late XX – early XXI century // *News VSPU. Problems of modern Russian literature*. 2012. № 6(70). P. 122–125.
9. Olyanich A.V. Formation of the phenomenon of ethnogenesis from the standpoint of the theory of ethnicity // *Discourse-Pi*. 2016. № 3-4 (24-25). P. 61–76.
10. Rozhdestvenskaya E.R. My random countries. About travels and accidents! M.: E, 2018. 384 p.
11. Nikitina N.A., Tulyakova N.A. Travelogue genre: cognitive model // *Homo Loquens: Topical issues of linguistics and methods of teaching foreign languages*. 2012. Issue 5. P. 132–138.
12. Maiga A.A. Literary travelogue: the specifics of the genre // *Philology and culture*. 2014. № 3 (37). P. 254–259.
13. Fefelov A.F., Fedorova Ya.Ya. The struggle of authorial and ethno-cultural motives in the interpretation of zoonymic images // *Language and culture in the conditions of internationalization of education: Materials of the International Scientific and Practical Conference of the Novosibirsk National Research State University* / Ed. T.A. Perminova, S.I. Filippov, A.L. Solomonovskaya. Novosibirsk: RIC NSU, 2014. P. 125–139.
14. Big explanatory dictionary of the Russian language / Chief editor S. A. Kuznetsov. First edition: Saint Petersburg, Norint, 1998. Published in the author's edition of 2014. URL: <http://gramota.ru/slovari/dic> (Date of access: 01.06.2020).
15. Dictionary of the Russian language. Under the editorship of A. P. Evgenieva. In 4 volumes, 1981–1984. URL: <http://feb-web.ru/feb/mas/mas-abc/default.asp> (Date of access: 01.06.2020).